

ПОЛИТА

Д.Хигли

ДЕМОКРАТИЯ И ЭЛИТЫ¹

Дискуссия на тему демократии и элит долгое время была сконцентрирована на «теории демократического элитизма». Как известно, Йозеф Шумпетер инициировал эту дискуссию, представив демократию как «институциональное установление для принятия политических решений, при котором индивиды (элиты) получают власть путем конкурентной борьбы за голоса избирателей»². Появилось множество трудов, пытающихся подтвердить, опровергнуть или модифицировать формулировку Шумпетера. Ключевой стала сформулированная Робертом Далем концепция «полиархии», т. е. режима, «в значительной степени демократизированного и либерализованного, характеризуемого высокой степенью участия и широкими возможностями для общественной конкуренции»³. Джованни Сартори объединил формулировки Шумпетера и Даля и создал наиболее точное определение демократического элитизма из тех, которые мы имеем: «Крупномасштабная демократия – это процедура и/или механизмы, который а) образует *открытую полиархию*, систему групп, конкурирующих между собой на выборах; б) приписывает *власть народу*; с) реально обеспечивает *ответственность лидеров перед народом*»⁴. Кратко говоря, демократия по Сартори – это «выборная полиархия».

Демократический элитизм подразумевает, что власть *демоса* не ограничена существованием и могуществом элит: народ все еще устанавливает правила в решающей борьбе элит за правительственные кабинеты. Благодаря этой теории взаимодействие между народными массами и элитами стало постоянной темой для исследований, породившей бесчисленные публикации, которые изучали уровень соответствия взглядов масс и элит; степень отражения гендерных, этнических, профессиональных и других признаков масс на облике элит; то, как народные массы связаны с элитами через партии и структуры карьерного продвижения; как методика выборов стимулирует реагирование элит на неудовлетворенность масс; как противоборствующие группы народных масс и элит создают стабильное демократическое равновесие.

Демократический элитизм уделяет удивительно мало внимания элитам как таковым. Эта теория касается только элит политических партий и ничего не говорит о более широком слое элит, в который они включены. Остается непонятным, как деловые, профсоюзные, государственно-административные, медийные, военные и другие группы элит влияют на конкуренцию партийной элиты. Теория утверждает, что элиты политических партий предвидят реакцию избирателей на проводи-

¹ Русский перевод лекции любезно предоставлен Институтом общественного проектирования (проект «Русские чтения»).

² Schumpeter J.A. *Capitalism, Socialism, and Democracy* – New York, 1942, p. 269.

³ Dahl R.A. *Polyarchy – New Haven*, 1971, p. 8.

⁴ Sartori G. *Democratic Theory Revisited: The Contemporary Debate* – Chatham, N.J., 1987, p. 156.

мую политику и соответствующим образом приспособливают к ним свои политические принципы и предвыборные обещания, однако не учитывает, что партийные элиты часто вводят избирателей в заблуждение путем искажения или утаивания информации, или договариваясь о том, чтобы полностью исключить некоторые вопросы из публичной программы. Теория также не принимает в расчет или вовсе игнорирует жесткие реалии современной конкурентной борьбы элит, в которой задействованы крупные финансовые и медийные ресурсы, а также «грязные технологии», направленные на дискредитацию и демонизацию оппонентов. Демократический элитизм просто допускает, что конкурирующие партийные элиты сдержаны и взаимно вежливы, и что, как говорит Шумпетер, это «институциональное» условие. Наконец, теория мало что может предложить в смысле казуального анализа. Как демократический элитизм появляется, почему и как он становится институционализированным и что служит причиной его усиления и ослабления – вот вопросы, на которые теория не дает ответа.

Одной из целей моего исследования элит было устранить или хотя бы уменьшить эти белые пятна в теории демократического элитизма. Под влиянием теории элит, эволюционировавшей из трудов Моска, Парето и Михельса (небольшой вклад внес также Вебер), я утверждаю, что элиты могут создавать и поддерживать демократии, так же, как они создают и поддерживают все другие виды политических режимов. Демократии – это в первую очередь творения элит дифференцированного типа, которые я называю *консенсуально объединенными элитами*. Такие элитные структуры более широки и сложны, чем партийные элиты, на которых фокусируется демократический элитизм. Я попытался раскрыть происхождение и деятельность консенсуально объединенных элит, то, как они взлелеивали (обычно на протяжении долгих периодов времени) сегодняшние демократии, и какие существуют перспективы для распространения таких элит и, соответственно, демократий в XXI веке. Спешу добавить, что демократии не являются односторонними улицами, с движением только от элит к массам. Здесь всегда существует широкая взаимозависимость между элитами и народными массами – в том смысле, что интересы и ориентация масс определяют *параметры*, в рамках которых элиты могут эффективно и безопасно действовать. Элиты, которые нарушают эти параметры, очень рискуют. Но параметры, определяемые массами, широки и оставляют элите ряд очевидных альтернатив для создания и поддержки демократий.

Я утверждаю, что ни одна демократия никогда не возникала без предварительного или сопутствующего формирования консенсуально объединенной элиты, и ни одна демократия не сохранялась, когда такая элита распадалась⁵. Таким образом, характеристики демократических элит и масс более индивидуальны и последовательны, нежели предполагает теория демократического элитизма. Элита, члены и группировки которой склонны к умеренному и уважительному по отношению друг к другу политическому поведению, всегда формируется *до того*, как де-

⁵ Higley J., and Burton M. *Elite Foundations of Liberal Democracy – Boulder, Colo., USA and Plymouth, U.K., 2006.*

мократические принципы и правила принимаются большим количеством граждан, и *до того*, как демократические институты становятся стабильными. Однако в течение последних нескольких веков консенсуально объединенные элиты формировались нечасто, и мало причин полагать, что их число намного вырастет в нашем новом веке. *Разъединенные элиты*, образующие авторитарные режимы или непросвещенные и нестабильные квазидемократии, исторически были нормой и, скорее всего, таковыми и останутся. Меня интересует, как и почему формировались консенсуально объединенные элиты, как они благоприятствуют появлению демократий, почему такие элиты имеют тенденцию удерживаться на протяжении долгих периодов времени и предвещают ли текущие и будущие обстоятельства продолжение их существования или распад. Ответы на эти вопросы придадут теории элитизма немного той динамики, которой ей не хватает.

**Консенсуально
объединенные
элиты**

Элиты – это главные ответственные за принятие решений в крупнейших организациях и движениях в современном обществе. Элиты (включая господствующие крупнейшие компании, большие профсоюзы, государственную бюрократию, СМИ, военных, важные группы давления и массовые движения, а также политические партии) – это лица и группы, которые обладают *организованным потенциалом* для регулярного и сильного воздействия на политические решения. Исследователи подсчитали численность таких элит – это около 10 000 человек в США; примерно 5000 в демократиях среднего размера, таких, как Франция, Австралия и Германия; и, наверное, 2000 в мелких демократиях, таких, как Дания и Норвегия. Это узкое определение элит. Оно не отождествляет высокий профессиональный, образовательный или культурный статус с «элитой», хотя определение «высокого статуса» часто используется учеными и журналистами. Я понимаю «элиты» в более узком смысле – как несколько тысяч человек, занимающих в современном обществе высшие властные позиции.

В исторических и современных обществах основные различия между элитами кроются в степени их структурной интеграции и ценностного консенсуса. Структурная интеграция подразумевает взаимную терпимость и принятие формальных и неформальных систем коммуникации, а также взаимное влияние членов элит и элитных группировок. Ценностный консенсус подразумевает их взаимное согласие касательно норм политического поведения и ценности существующих государственных институтов. В этих двух смыслах мы можем провести различие между *разъединенными* и *объединенными* элитами. Лица и группировки, формирующие разъединенные элиты, отделены и изолированы друг от друга, у них нет принципиального согласия по поводу политических норм и институтов, и они не придерживаются каких-либо единых принципов политического поведения. Разъединенные элиты считают политику игрой с нулевой суммой или полувоенной борьбой. Конкретные

примеры варьируются от хаотичных экстремистских структур (Либерия, Сьерра-Леоне, Демократическая Республика Конго, Сомали в последние годы) до крепких структур, состоящих из двух-трех лагерей, хорошо интегрированных, но находящихся в глубокой оппозиции (большинство европейских и фактически все латиноамериканские элиты, начиная со времени формирования независимых национальных государств и до периода после Второй мировой войны).

По контрасту, объединенные элиты характеризуются насыщенными и взаимосвязанными системами коммуникаций и взаимовлияния, согласием по основным вопросам и общими принципами политического поведения. Однако существует два различных типа объединенных элит. Первый тип – это системы структурно интегрированные, компактные и строго централизованные. Они представляют собой одну единственную партию или движение и сосредоточены вокруг группы высших руководителей. Кстати, все члены элиты открыто признают правильность принятой идеологии, религиозной доктрины или этнического мировоззрения, хотя всем известно, что другие системы убеждений существуют. Это *идеологически объединенная элита*, основные примеры которой – советская номенклатура вплоть до 1980-х гг., элита Китайской Народной Республики до середины 1990-х гг., элита Корейской Народно-Демократической Республики на всем протяжении ее существования и, с некоторыми оговорками, элита Ирана, начиная с революции 1978–1979 гг.

В другом типе объединенной элиты – консенсуально объединенной элите – структурно интегрированные группы компактно сосредоточиваются в рамках функционально дифференцированных секторов: бизнес, профсоюзы, государственная администрация, СМИ и т. д. Но эти группы выходят за границы секторов и взаимосвязываются, формируя «паутину» и «концентрические круги». Их члены получают доступ, прямой или косвенный, к ключевым лицам, принимающим политические решения⁶. Вдобавок члены и группировки такой элиты пришли к негласному консенсусу по поводу норм и правил политического поведения, который лучше всего назвать «законом сдержанной поддержки»⁷. Они считают, что политика – это процесс договорный, руководствующийся принципом *do ut des* («давать, чтобы взять»). Со временем переговоры позволяют отчаявшимся членам элит или элитным группировкам достичь своих целей и защитить свои главные интересы, и в результате они оценивают совокупность политических результатов положительно. Я утверждаю, что эти консенсуально объединенные элиты стали создателями и оплотом сегодняшних демократий. Конкретнее говоря, они варьируются от почти олигархических форм (мексиканский элитный картель ПНД/ИРП, начиная с 1929 г. и до тех пор, как он стал более открытым в конце 1990-х годов; элитные кондоминиумы в Колумбии и Венесуэле с конца 1950-х до начала 1990-х гг., когда венесуэльский кондоминиум распался, а колумбийский качнулся в сторону дезинтеграции; Малайзийская Национальная Организация/Национальный Фронт в те-

⁶ Higley J., Hoffmann-Lange U., Kadushin C. & Moore G., *Elite Integration in Stable Democracies: A Reconsideration // European Sociological Review*, 7 (May 1991), pp. 35–63.

⁷ Di Palma G., *The Study of Conflict in Western Societies* – New York, 1973.

чение всех 50 лет независимости страны) до более открытых форм (элиты в Британии с XVIII века и в британских колониях со времени получения независимости; элиты в Нидерландах и Скандинавии с XIX века).

Консенсуально объединенная элита представляет собой то, что приверженцы теории игр называют «устойчивым равновесием», в котором никто из значительных игроков не имеет большого стимула к изменению своего поведения. Элитные группировки считают существующий политический порядок полезным, так как никто не подвергается риску больших потерь в политической конкурентной борьбе. Это делает взаимодействие элит «самоукрепленным», то есть элиты сами поддерживают порядок и наказывают членов, нарушающих закон сдержанной поддержки. Это главная причина, по которой консенсуально объединенные элиты отличаются хорошей живучестью (в некоторых странах они существуют на протяжении нескольких веков, несмотря на общественные изменения и перевороты). Роберт Патнэм так описывает эти элиты: «[Их] приверженность «системе» бесспорна, учитывая вознаграждение, которое им дает система. Наиболее вероятно, что лидеры согласятся с правилами игры, потому что это, по существу, их игра»⁸. Со временем нормы, закрепленные и разделяемые консенсуально объединенными элитами, встраиваются в политические институты и, более широко, в политическую культуру. Эти нормы приобретают свою собственную жизнь, и все начинают понимать, что разрешено и не разрешено в политике. Благодаря такому общественному признанию осуждается политическое поведение, которое может противостоять консенсуально объединенной элите и поощряемым ею мирным принципам политической репрезентации.

⁸ Putnam R.D.
The Comparative
Study of Political
Elites – Englewood
Cliffs, N.J., 1976.
p. 116.

Происхождение типов элит

В современной истории нетрудно распознать основные различия между тремя основными типами элит – разъединенной, объединенной идеологически и объединенной консенсуально. Если мы сравним политические модели стран, то ясно увидим их основные элитные конфигурации. Происхождение разъединенных или идеологически объединенных элит определяется легко. *Разъединенные элиты* чаще всего рождаются при формировании независимых национальных государств, в которое, как правило, вовлечены некоторые элитные группировки, силой подавляющие и подчиняющие другие фракции. В атмосфере подавления и подчинения, постоянных обид, страхов и ненависти, созданной ими, регулярно возникали и существовали глубоко разъединенные элиты. Это происходило во всех европейских государствах в период их формирования в 1500–1800 гг., в государствах Латинской Америки, образованных после ухода испанцев и португальцев в начале XIX века, и в массе бывших колоний в Африке, Азии и на Ближнем Востоке, получивших независимость после Второй мировой войны. Разъединенные элиты, возникшие в процессе формирования независимых национальных государств, политика военного образца, которой они впоследствии при-

держивались, и авторитарные режимы, к которым они в большинстве случаев привели, были настолько многочисленными, что сформировали основную политическую тенденцию в современном мире.

Хотя несколько *идеологически объединенных элит* и сформировались в процессе борьбы за национальную независимость (элита Вьетмина, сбросившая французское господство в Северном Вьетнаме; элита Талибана, которая подавила группы моджахедов, освободивших Афганистан от советской военной оккупации), такие элиты имеют два других главных источника. Первый – это победа доктринерской, замкнутой и хорошо организованной контрэлиты, которая извлекает выгоду из распада государства, чтобы захватить власть и ликвидировать другие группировки в революционной борьбе: большевики в 1917–1921 гг. в России; квазиреволюционный приход к власти фашистов и нацистов несколько лет спустя в Италии и Германии; победа элиты во главе с Тито в югославской революции 1943–1945 гг.; похожая победа элиты во главе с Мао Цзэдуном в китайской революции 1948–1949 гг.; элита под руководством Хомейни, которая разрушила монархию в Иране в 1978–1979 гг. Победившая контрэлита удерживает всю политическую деятельность в руках своей партии или движения и провозглашает свою доктрину единственной концепцией политического выражения. Другой основной источник формирования идеологически объединенных элит – это их навязывание страной-завоевателем, в которой уже есть такая элита: например, Восточная Европа под советским влиянием после Второй мировой войны; возможный контроль Ирана над большей частью Ирака, если возглавляемая Америкой коалиция выведет свои войска.

Более интересны, но менее ярко выражены истоки *консенсуально объединенных элит* и появление демократий, для которых, утверждаю я, такие элиты являются *обязательным условием*. Кажется, существуют только три пути и стечения обстоятельств, в которых зарождаются консенсуально объединенные элиты. Все три редки, а один более не является реально возможным:

- *преодоление* основных расхождений среди разъединенных элит, непредсказуемое, внезапное и сильно зависящее от неопределенных обстоятельств и субъективного выбора элит;
- *колониальная ситуация*, в которой находятся местные элиты, практикующие осторожную и ограниченно репрезентативную политику в течение долгого периода «самоуправления», и в то же время предпринимающие сложные политические движения для достижения национальной независимости;
- *приближение к общим нормам политического поведения* среди разъединенных элит, соревнующихся за поддержку экономически успешных избирателей, не склонных к крутым переменам status quo.

Классическим примером преодоления расхождений между элитами было внезапное сближение резко оппозиционных тори и вигов в Великой английской революции 1688–1689 гг., такое же внезапное при-

мирение враждующих элитных лагерей Шляп и Колпаков в Шведской революции 1809 г., и аналогичное примирение, достигнутое оппозиционными лагерями элит в Испании в течение трех лет после смерти Франсиско Франко в 1975 г. Классические случаи колониальной ситуации — это долгое осторожное самоуправление американских и индийских элит под удаленным господством Великобритании, дополненное рискованной борьбой за национальную независимость, которая позже объединила эти элиты. В нашем постколониальном мире, однако, такое происхождение консенсуально объединенных элит больше не является возможным. Классические примеры приближения к общим нормам — это постепенное сближение французских элит в условиях голлистской электоральной гегемонии и экономического процветания 1960–1970-х гг., а также аналогичное сближение итальянских и японских элит в условиях христианско-демократической и либерально-демократической электоральной гегемонии соответственно, также при благоприятных экономических условиях в 1963–1964 гг. и в начале 1980-х гг.

Элитизм в демократиях

Когда два десятилетия назад Джованни Сартори переформулировал демократический элитизм, его тревожила несбалансированность наблюдаемых демократий. Чрезмерное акцентирование на их горизонтальных, или незлитных, измерениях (выборной демократии, демократии участия и плебисцитарной демократии), по его мнению, подавляло вертикальные, или элитные, характеристики (субординацию, суперординацию и координацию), без которых демократии становятся неконтролируемыми⁹. Беспокойству Сартори вторит Фарид Закария: «Дерегулирование демократии зашло слишком далеко. Оно породило громоздкую систему, неспособную авторитетно управлять народом... Те, кто обладает властью [элиты], подлаживаются под требования толпы и теряют независимость, являющуюся необходимым условием для разрешения проблем, сложность которых лежит вне пределов понимания народных масс»¹⁰. Сартори и Закария призывают элиты к более мощному и независимому лидерству, если демократии хотят преодолеть вызовы, с которыми они сейчас сталкиваются. Демократический элитизм стал слишком «демократическим» и в недостаточной мере «элитистским».

Однако есть признаки, что вертикальное, или элитное, измерение крепнет. В некоторых демократиях элиты сейчас более заметны и сильны. В США исключительно агрессивная и сплоченная элита, объединившаяся вокруг Джорджа Буша, к добру это или к худу, довольно резко видоизменила демократическую политику¹¹. В Великобритании Тони Блэр и его окружение применили расширенные исполнительные ресурсы и современные возможности для навязывания своей политики, предприняв серьезные шаги для участия во вторжении в Ирак под предводительством США, несмотря на массивное сопротивление со стороны парламента, местных партийных структур и граждан. Американская и британская модели воспроизведены элитой, объединенной

⁹ Sartori, *op. cit.*, p. 131.

¹⁰ Zakaria F. *The Future of Freedom – New York*, 2003. pp. 240–241. 256.

¹¹ См. Higley J. «The Bush Elite: Aberration or Harbinger?» // O'Connor B. & Griffiths M. (eds.). *The Rise of Anti-Americanism – L.*, 2006. pp. 155–168.

вокруг австралийского премьер-министра Джона Говарда, чьи волевые действия (участие во вторжении в Ирак, несмотря на горячее сопротивление, отправка военных миссий в Восточный Тимор и на Соломоновы острова, жесткие превентивные удары по опорным пунктам террористов в Юго-Восточной Азии, арест и заключение в тюрьму множества нелегальных иммигрантов и три переизбрания в результате агрессивных кампаний) не имели прецедентов за сотни лет независимости Австралии. В Италии в 2001–2005 гг. правящая элита во главе с Сильвио Берлускони бесцеремонно обращалась с парламентскими, юридическими и электоральными правилами, установила почти монопольный контроль над телевидением и, подобно элитам Блэра и Ховарда, приняла военное участие в иракской операции, несмотря на общественное сопротивление.

На национальном уровне во всех странах Европейского Союза признаками усиления элит являются расширение аппаратов систем государственной безопасности, более тщательный контроль за массами, многочисленные силовые акции против террористических ячеек и диаспор мигрантов. Действуя сообща, эти национальные элиты попытались обеспечить ЕС, создание которого всегда было исключительно элитным проектом, властно-централизующей конституцией, которая была подписана в 2004 г. лидерами стран-членов. Ратификация конституции была блокирована в 2005 г., когда Нидерланды и Франция проголосовали «против» на референдумах, неосмотрительно проведенных правящими элитами Гааги и Парижа. Конечно, так или иначе элиты Евросоюза в течение ближайших лет получат свою конституцию или что-то близкое к ней. В любом случае симбиоз европейских деловых и бюрократических элит, разместившихся в Брюсселе, прочен и мало зависит от общественного контроля.

Возрождение элит, конечно, сопровождается тревожными аспектами. Оно влечет за собой более сильные столкновения между конкурирующими элитными группировками и увеличение дистанции между ними. Консенсуально объединенные элиты имеют тенденцию делиться на более компактно организованные и взаимно антагонистичные лагеря, которые используют крупные финансовые и другие ресурсы, включая повышенные полномочия обладателей кабинетных должностей и возможность манипулирования СМИ, в борьбе за исполнительную власть. Эти лагеря борются под девизом «победитель получает все». Они мобилизуют народную поддержку, эксплуатируя патриотические и религиозные убеждения, в результате чего сужается поле для компромисса элит и совместного использования власти. В электоральной борьбе преимущество получают партийные элиты, плотно сконцентрированные вокруг лидера, вызывающие ощущение кризиса и необходимости тесной интеграции более чистого сообщества. Для предвыборных кампаний и политических диспутов характерны шумные лживые изобличения личных недостатков оппозиционных лидеров. И хотя мы можем ошибаться и принять кратковременные явления за долгосрочный тренд,

тем не менее уменьшение взаимного уважения, доверия и сдержанности среди элит в некоторых устоявшихся демократиях вызывает беспокойство.

С точки зрения демократического элитизма эти изменения и тенденции имеют двойственный характер. С одной стороны, кажется, что усиление «вертикальных» тенденций возвращает нас к более ранним стадиям развития демократии и обеспечивает более крепкое лидерство. С другой стороны, элементы, скрепляющие элиты и не позволяющие борьбе и разногласиям между ними дестабилизировать демократическую политику, оказываются ослабленными. Очевидно, что элиты и демократии, которыми они управляют, сталкиваются с ошеломительным калейдоскопом зловещих взаимосвязанных угроз. Это быстрая деградация окружающей среды, серьезная нехватка природных ресурсов и резкий рост цен на них, высокий уровень безработицы в условиях старения населения, возможные пандемии, углубление расовых, этнических, региональных и религиозных расколов, конфронтация с культурно традиционалистскими странами и сектами, которые разочарованы в попытках развития, воодушевлены сектантскими верованиями и способны на ужасающие смертельные акции. Список угроз на этом не заканчивается. Каковы будут их последствия?

Возможно, тот более традиционный элитизм, на который элитизм демократический всегда ссылался, но которому никогда не придавал особого значения, постепенно выйдет на первый план. Видя на горизонте смертельные опасности, демократические элиты начнут лучше осознавать историческую необходимость защиты материальных и культурных достижений своих народов от посягательств иностранцев и чуждых культур. Они избавятся от некоторых наиболее идеалистичных убеждений, которых они и их сторонники в последнее время придерживались. Они осознают, например, что их возможности трансформировать недемократические страны слабы, но цена попыток таких трансформаций велика. Они лучше осознают необходимость недопущения таких обстоятельств, при которых приходится платить дань шантажистам или милитаризованным странам и сектам, оскорбляющим демократии.

На мой взгляд, пока нет убедительной причины, чтобы прогнозировать упадок консенсуально объединенных элит и демократий. Но я также не вижу причин думать, что этот тип элит и демократическая политика, которую они порождают, широко распространится в ближайшие десятилетия. Одного из основных источников консенсуально объединенных элит – возможностей, предоставляемых колониальным самоуправлением – больше не существует; преодоление расхождений зависит от слишком многих случайных факторов и потому редко; приближение к общим нормам политического поведения требует в качестве условия общего процветания, которого большинство стран мира достигнет нескоро.

Вместо распада элит в сегодняшних демократиях я предвижу преобразование их мышления и образа действий. Элиты чувствуют, что они

должны быть более смелыми, даже если их ошибки и неверные решения обходятся так дорого. Яркий пример таких ошибок и неверных решений – предпринятый элитой Буша вскоре после террористической атаки 11 сентября военный бросок в Ирак, основанный на дерзком (и, как скажут многие, катастрофически безрассудном) анализе политической деградации на Среднем Востоке. Элиты во всех демократиях чувствуют себя окруженными опасностями и проблемами, для которых нет ясных решений. Я предполагаю, что это чувство вызовет более четкое осознание необходимости коллективных действий элит и сотрудничества в целях предотвращения ужасных последствий. По мере распространения этого осознания элиты в демократиях могут стать более, а не менее консенсуально объединенными, так что демократии выживут, хотя, скорее всего, в более «вертикальной» форме. Иными словами, можно ожидать, что в последующие годы элиты в демократиях усвоят более осознанную элитистскую систему взглядов. Для тех, кто придерживается возвышенного эгалитарного видения демократии, это неутешительная картина, но я думаю, что она вероятна.